

УДК 821.161.1-6

**ОБРАЗ АДРЕСАТА В «НЕИЗВЕСТНОМ ПИСЬМЕ ПИСАТЕЛЯ
Л. ДОБЫЧИНА КОРНЕЮ ИВАНОВИЧУ ЧУКОВСКОМУ» О. ЮРЬЕВА**

Т.В. Данилович

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка*

Минск, Республика Беларусь, tanya.tada@mail.ru

Статья посвящена осмыслению особенностей создания, специфики и функций образа адресата в «Неизвестном письме писателя Л. Добычина Корнею Ивановичу Чуковскому» О. Юрьева. Утверждается, что конструирование диалога с К. Чуковским становится для автора письма способом преодоления разрыва между желанным и вынужденным.

Ключевые слова: О. Юрьев; К. Чуковский; Л. Добычин; письмо; стилизация; диалог; образ адресата

В журнале «Звезда» (2012, № 7) впервые была опубликована новелла О. Юрьева «Неизвестное письмо писателя Л. Добычина Корнею Ивановичу Чуковскому», а позднее «Неизвестное письмо писателя Я. М. Р. Ленца Николаю Михайловичу Карамзину» (2013, № 9) и «Неизвестное письмо писателя И. Г. Прыжова Федору Михайловичу Достоевскому» (2014, № 5). Затем они составили трилогию «Неизвестные письма», опубликованную в Санкт-Петербурге издательством Ивана Лимбаха (2014).

За «Неизвестное письмо писателя Л. Добычина Корнею Ивановичу Чуковскому» Юрьев был удостоен премии журнала «Звезда». В благодарственной речи по этому поводу прозаик замечает о Добычине: «...скромен он не был, и с полным правом не был» [4]. Художественное осмысление этой творческой личности Юрьев осуществляет в форме вымышленного письма, адресованного Добычиным Чуковскому. Между ними на протяжении 1924–1931 гг. велась реальная переписка. О знакомстве с Добычиным Чуковский вспоминал: «Леонид Иванович Добычин, живший в Брянке, прислал мне в редакцию журнала «Русский Современник» один из своих рассказов, который я и напечатал на страницах журнала. Рассказ назывался “Встречи с Лиз”. У нас завязалась переписка» [3, с. 105]. Чуковский, как отмечает А. Г. Петрова, стал для Добычина первым профессиональным читателем и редактором, а еще помог обрести друзей в литературном кругу ленинградских писателей (М. Слонимского, Е. Шварца, Н. Чуковского) [2]. Добычин с благодарностью воспринял участие Чуковского в своей судьбе и впоследствии писал ему: «... Вы выбрали меня с земли» [1, с. 255].

Творческая деятельность Добычина прекратилась в 1936 г. После общего собрания ленинградских писателей, на котором прозаик, ставший одной из жертв кампании против формализма, подвергся резкой критике, он бесследно исчез. Чуковский, комментируя этот факт, воспроизводит распространенное в кругах литераторов предположение о том, что «писатель покончил с собой» [3, с. 105].

Юрьев своей творческой фантазией создает иную версию судьбы Добычина, что и становится сюжетной основой «Неизвестного письма...». Оно представляет собой послание Чуковскому с 20 постскриптами. По содержанию эти приписки превращаются в самостоятельные сообщения, некоторые из них созданы в один день, а другие разделены значительными временными интервалами: от года до четырех лет. Дистанция между письмом (19 июня 1954 г.) и последним постскриптом (19 июня 1994 г.) составляет 40 лет. Очевидна невозможность ответных посланий адресата: во-первых, письмо Добычина остается неотправленным; во-вторых, оно пишется не только при жизни Чуковского, но и после его смерти. Несмотря на все это, данные записи – не дневник, а именно конструируемая в сознании героя переписка.

Текст организуется как диалогическое пространство. В мыслях Добычина присутствует образ Чуковского. В письме есть просьбы и вопросы к адресату: «Очень Вас прошу, Корней Иванович: если Вы сами о Шурке ничего не слыхали, то, пожалуйста, спросите у ленинградцев, но только: очень осторожно! Не говорите, что для меня, пусть я считаюсь как бы в отсутствии и неизвестно. То есть Пламенных Приветов не передавайте, и ни даже Слонимским и Коле, но за новости о некоторых Выдающихся Деятелях Культуры я был бы Вам чрезвычайно обязан. О Шварце. О Горе. О Рахманове, если можно. Осознал ли свои ошибки Зощенко?» [5, с. 37] Характер просьб и вопросов Добычина свидетельствует о том, что До-

бычин видит в Чуковском человека отзывчивого и надежного, а еще находящегося в гуще событий советской культурной жизни.

Диалогическое пространство в тексте выстраивается и за счет конструирования сообщений адресата. Добычин пытается угадать ход мысли Чуковского после прочтения письма и моделирует речь адресата: «Без сомнения, Корней Иванович, Вам уже не терпится спросить меня: как Вы, Л. И., очутились под германцем и позже в Германии и не сделали ли при этом чего-либо, препятствующего моему ответу и даже самому чтению Вашего письма?» [5, с. 39] Затем на предполагаемую реакцию Чуковского Добычин сам же отвечает: «Расскажу все как было... Расскажу как смогу, а Вы решайте сами» [5, с. 39]. Так создается иллюзия диалога.

Отношение автора письма к Чуковскому проявляется в характере обращений. Одни официально-почтительны («многоуважаемый Корней Иванович» [5, с. 35]). Другие звучат тепло и по-родственному («милый К. И.» [5, с. 46], «Корней Иванович, миленький» [5, с. 36], «дорогой Корней Иванович» [5, с. 41, 46], «дорогой К. И.» [5, с. 42]). Особое обращение Добычин находит для Чуковского в день юбилея адресата: «Дорогой К. И.! В честь Вашего восьмидесятилетия, о котором в приятном тоне известили “Известия Верховного Совета Народных Депутатов СССР” (у меня есть вырезка), позвольте обращаться к Вам отныне, как воронежский поэт-прасол Кольцов к Василию Андреевичу Жуковскому: *Ваше Превосходительство, добрый вельможа и любезный поэт!*» [5, с. 42]. В этом именовании соединяются торжественность, преклонение перед личностью маститого классика и одновременно шутливая игра в архаику, что продолжает юмористическую интонацию, заданную каламбуром «известили “Известия”», и придает тексту характер веселого и остроумного общения в духе авторов «Чукоккалы».

В письме есть и обращение, которое имеет вынужденно конспиративный характер. Автор послания использует маску ребенка и подстраивает под это номинацию адресата: «Не зная Вашего адреса в Москве, пошлю это письмо (когда допишу) заказным на Детгиз, *дедушке Корнею*, а отправителем укажу: пионер Семенов Витя (зачеркнуто. – О. Ю.)... Зверепов Макар (зачеркнуто. – О. Ю.)... Клопов Иван, совхоз “Шушары” Пушкинского р-на г. Ленинграда» [5, с. 35]. Обыгрывая образ Чуковского-любимца советской детворы, Добычин меняет при этом подпись отправителя с нейтральной на уничижительную, что привносит юмористическую ноту в послание и одновременно служит средством самоиронии героя, который после исчезновения вынужден кардинально поменять род занятий, забыв о писательстве.

Особенно наглядно внимание Добычина к форме обращения проявляется в случаях, где в письме представлена рефлексия по поводу поиска оптимального варианта номинации собеседника. Автор посланий ставит себя на место Чуковского и пытается оценить его восприятие сделанного выбора:

Многоуважаемый Корней Иванович!

Не рискуя назвать Вас дорогой, вдруг Вас оттолкнет, что некий Монте-Кристо из совхоза “Шушары” называет Вас дорогой, а просто Корней Иванович звучит Дерзко [5, с. 35].

Другая, но такая же уважительная интонация проявляется и в подписях к письму и постскриптам: «Ваш слуга *Л. Добычин*» [5, с. 41], В<аш> с<луга> Л. Д.» [5, с. 43], «Искренне Ваш *Добычин*» [5, с. 51], «Ваш Л. Д.» [5, с. 54], «Примите мои уверения в совершеннейшем к Вам почтении этц. / Ваш *Л. Добычин*» [5, с.

44], «Примите мои уверения и проч. / Добычин» [5, с. 55]. Часто используемая писателем устаревшая формула «Ваш слуга» подчеркивает особую расположенность автора письма к Чуковскому и преданность ему.

Добычин почтителен, но лишен заискивания. Чуковский интересен ему как собеседник, с которым можно не соглашаться и спорить. Автор письма жаждет живого общения, а не поддакивания адресату. Так, критикуя А. Солженицына, Добычин отмечает: «Теперь Вы меня ненавидите, Корней Иванович, потому что я оскорбил Вашего Кумира!» [5, с. 46]. Однако эти слова звучат как констатация разницы позиций, а не реальная оценка эмоций адресата. Чуковский для Добычина – тот человек, с которым можно дискутировать, оставаясь в добрых отношениях. Поэтому герой продолжает писать ему послания, не меняя дружеского тона. Для Добычина это письмо становится отдушиной, где его автор, часто окруженный в реальной жизни зощенковскими персонажами, находит равного себе собеседника, с которым можно говорить обо всем, включая самое сокровенное. И если реальный Добычин передавал привет адресатам от своих персонажей, стирая грань между жизнью и искусством, то юрьевский Добычин делится своими писательски зоркими наблюдениями о колоритных деталях поведения тех людей, которые его окружают.

Письмо Добычина – это и утоление писательского голода по слову, живому, игровому, неподцензурному. Текст послания, испещренный зачеркиваниями и вариантами, напоминает черновик рукописи, в котором ведется работа над отделкой произведения. В воображаемом общении с Чуковским Добычин жаждет поделиться нереализованными творческими замыслами, проговорить сюжет несозданного (рассказ в духе Ги де Мопассана, произведение о случае в экибастузском лагере).

Адресат письма становится проводником автора послания в утраченную литературную среду. Через Чуковского Добычин стремится узнать о закулисе происходящего в покинутом мире и обсудить события культурной жизни, о которых пишут в советских газетах и журналах (присуждение Нобелевской премии Б. Пастернаку, публикация «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына, суд над И. Бродским и др.).

Добычинский интерес не ограничивается литературной жизнью. Вопросы и суждения о семье Чуковского дают понять, что с ним автора письма соединяют не только профессиональные отношения, но и личная человеческая привязанность. О военном времени жизни писателя Добычин осведомляется так: «Что Коля, Лида? Как, позвольте узнать, поживает Мария Борисовна? Думаю, вы все испытали множество Приключений с хорошим концом – хотелось бы узнать о них» [5, с. 41]. Чуковский предстает в письме не только в образе советского литератора, но и главы семьи, мужа и отца. Эта линия отчетливо прослеживается и в реальных письмах Добычина Чуковскому. Причем Юрьев включает в произведение почти дословный фрагмент трогательного лирического воспоминания из добычинского письма, обращенного к Чуковскому [1, с. 262], чтобы передать чувства героя после известия о смерти сына адресата: «Помните, Вы читали Фета в тысяча девятьсот двадцать шестом году – Вы под одеялом, Коля в валенках? Из слов я запомнил только: *Как воспоминанье*, но помню, что было очень хорошо...» [5, с. 46]

Этот воображаемый диалог героев не прекращается и после смерти Чуковского. Добычин по-прежнему советуется, рассказывает о своей жизни, дает задания, но уже с поправкой на загробное бытие писателя в «переделкинских небесах» [5,

с. 48]: просит порадовать Колю Чуковского вестью о любви читателя к его книге; информирует о новых явлениях в общественной и культурной жизни (появление шабашников, переименование газет). За перепиской с умершим стоит не только вера в посмертное бытие и преклонение перед незаурядным человеком и творцом. Чуковский и при жизни, и после смерти воспринимается Добычиным как опора для самостояния и камертон в настройке собственных поступков и взглядов на литературу, общество, жизнь. Отсюда частое соотнесение автором письма своей судьбы с биографией адресата: «Теперь... я на восемнадцать лет старше Вас, когда мы познакомились» [5, с. 35]; «Теперь я Вас старше на целый год и могу говорить с Вами величественно» [5, с. 51].

С течением времени Чуковский становится для Добычина настолько близким, что общение с умершим адресатом не только продолжается, но и осуществляется во все более раскованной манере. Это не означает панибратства (уважительность неизменно сохраняется), но выражается в большей легкости вовлечения адресата в реалии собственной жизни через иронию и самоиронию. Так, заведомо далекому от будней совхоза «Шушары» Чуковскому Добычин докладывает: «Спешу Вас обрадовать еще раз, Корней Иванович: по завершении очистки и ремонтных работ *свинокомплексы* будут оснащены *системой навозоудаления на самосплаве*» [5, с. 49]. Диссонанс между сферой интересов адресата и приписываемыми ему эмоциями подчеркивает абсурд происходящего с самим Добычиным, пропасть между его теперешней жизнью и миром литературы. Не случайно легкость общения с тем, кто перешагнул порог смерти, объясняется в письме самоощущением автора, уставшего от пребывания в мире, который ему чужд: «... иногда мне кажется, что и я умер» [5, с. 46]. Так тема вечности приобретает неожиданный поворот: не Чуковский предстает в ряду живых для Добычина, а сам герой оказывается среди умерших. Однако Юрьев не дает Добычину умереть. Продляя бытие героя после 1936 г. в начале произведения, писатель обрывает рукопись на полуслове, оставляя читателя надеяться на «возможность если не окончания ее, то продолжения» [5, с. 56].

Воображаемое письмо Добычина Чуковскому становится для автора произведения формой художественного воплощения истории страны, осмысления судьбы и личности героя, отражения его взглядов, миро- и самоощущения. Образ адресата напрямую способствует реализации этих задач, выступая значимой фигурой в литературном мире советского общества и становясь важной частью жизни Добычина, необходимым звеном для проговаривания им собственных мыслей и чувств, преодоления диссонанса между внутренней потребностью и внешними обстоятельствами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Добычин, Л. И. Полное собрание сочинений и писем / Л. И. Добычин. – СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Журнал "Звезда"», 2013. – 544 с.
2. Петрова, А. Г. «Вы мой единственный читатель» : О письмах Л. Добычина к К. Чуковскому / А. Г. Петрова // Новое лит. обозрение. – 1993. – № 4. – С. 123-125.
3. Чукоккала : Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М. : Премьера, 1999. – 398 с.
4. Юрьев, О. Благодарственная речь [Электронный ресурс] / О. Юрьев // Журнал Олега Юрьева. – 2013. – 26 февр. – Режим доступа: http://www.newkamera.de/blogs/oleg_jurjew/?m=201302 – Дата доступа: 27.04.2026.

5. Юрьев, О. Неизвестное письмо писателя Л. Добычина Корнею Ивановичу Чуковскому / О. Юрьев // Звезда. – 2012. – № 7. – С. 35-56.

THE IMAGE OF THE ADDRESSEE IN THE «UNKNOWN LETTER OF THE WRITER L. DOBYCHIN TO KORNEY IVANOVICH CHUKOVSKY» BY O. YURYEV

T.V. Danilovich

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University

Minsk, Belarus, tanya.tada@mail.ru

This article explores the creation, specificity, and functions of the addressee's image in O. Yuryev's «Unknown Letter from the writer L. Dobychin to Korney Ivanovich Chukovsky». It argues that constructing a dialogue with K. I. Chukovsky becomes a way for the letter's author to bridge the gap between the desired and the forced.

Keywords: O. Yuryev; K. Chukovsky; L. Dobychin; letter; stylization; dialogue; image of the addressee

УДК 808.1

**НАРАТЫЎ ПАДАРОЖЖА І РАМАНТЫЧНАЯ ТРАДЫЦЫЯ
Ў ТРАВЕЛОГУ МІХАСЯ ЗАРЭЦКАГА
«ПАДАРОЖЖА НА НОВУЮ ЗЯМЛЮ»**

Т.А. Данілава, І.І. Шматкова

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

belfil.rpi.oit@gmail.com

Даследаванне прысвечана аналізу нарыса Міхася Зарэцкага «Падарожжа на Новую Зямлю» як значнага прыклада беларускай падарожнай прозы 1920-х гадоў. У ім разглядаецца спалучэнне дакументальнай асновы і мастацкай вобразнасці, характэрнай для травелога. Асобная ўвага надаецца рамантычнаму светаўспрымання аўтара і яго філасофскім развагам. Даследуецца прырода як мастацкая катэгорыя і экзатызацыя Палесся як аўтарская стратэгія.

Ключавыя словы: наратыў падарожжа; рамантычная традыцыя; травелог; экзатызацыя; наратыўная стратэгія; мастацкая катэгорыя.

Вядома, што М. Зарэцкі ў 1928 годзе суправаджаў народнага камісара БССР Д. Прышчэпава ў дзелавой паездцы па Палессі, задачай якой была праверка і арганізацыя этапнай работы па меліярацыі балот Палескага рэгіёна. Падчас паездкі ён веў запісы, якія сталі асновай нарыса «Падарожжа на Новую Зямлю».

Твор быў апублікаваны ў газеце «Савецкая Беларусь», а затым выдадзены асобна. Ён адразу прыцягнуў увагу чытачоў, аднак стаў ракавым у лёсе аўтара. Даследчык творчасці М. Зарэцкага М. Мушынскі піша: «На сходзе партыйных ячэек Беларускага дзяржаўнага выдавецтва “Падарожжа...” і творы апошніх гадоў былі залічаны да “антыпартыйных і антысавецкіх”, а сам пісьменнік быў выключаны з бальшавіцкай партыі. Зусім відавочна, што такое пакаранне было ў вышэйшай ступені несправядлівым, гэтакімі ж абсурднымі былі і абвінавачванні яго твораў у іх антысавецкай скіраванасці» [1, с. 10]. У адрозненні ад рамана «Крывічы», які не захаваўся, нарыс «Падарожжа на Новую Зямлю» дайшоў да сучаснага чытача і сёння ўспрымаецца як надзвычай цікавы ўзор беларускай пада-